

18+

Леонид
Скрипко

ЮРА

ПОЭМА

Леонид Скрипко

Юра

«Издательские решения»

Скрипко Л. А.

Юра / Л. А. Скрипко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-514639-7

Привычка ощущать себя центром мира, невнимание к близким и излишняя забота о собственном благополучии — как часто это становится причиной человеческих трагедий. Нередко от пороков взрослых страдают беззащитные и доверчивые дети. Научиться жертвовать своим счастьем ради другого или следовать тезису о том, что жизнь даётся один раз?

ISBN 978-5-00-514639-7

© Скрипко Л. А.
© Издательские решения

Содержание

Посвящение	6
Глава 1	7
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Юра

Леонид Александрович Скрипко

Дизайнер обложки Наталья Александровна Скрипко

© Леонид Александрович Скрипко, 2020

© Наталья Александровна Скрипко, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-4639-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящение

Настало время ветреную память,
К порядку наконец-то приучить,
Себя картиной старой позабавить,
И дней минувших сладость ощутить.
Пленён таким желаньем до предела,
От строчек первых я толкаюсь смело,
Хочу воспоминанья всполохнуть,
К друзьям своим из детства заглянуть.
Надеюсь только – старые сомненья
Не отвлекут от мысли правильной меня.
Мои герои, я прошу прощенья,
Коль к вам несправедливым буду я.
Пусть годами спутанные струны,
Балладой новой в сердце оживут,
И раны прежние на время заживут,
Когда я вспомню дни, в которых самым юным,
Тот Юра, как и я когда-то был,
О чём я рассказать здесь поспешил.

Глава 1

Рассвет был долог и тревожен,
И мне не нравился совсем,
Но что же делать – осень всё же,
Ноябрь всё ж самозабвен.
Запузырились снова лужи,
И каждый третий стал простужен.
Злой ветер снова зашумел,
По крыше дождик загремел,
Неумолимо стало небо,
Я выйти из дому не смел.

Но в Спиридоньевском дом восемь,
На непогоду несмотря,
Неважно, летом или в осень,
Иль в середине ноября,
Шаги считая одиноко,
Опять по лестнице широкой,
На службу люди вниз спешат,
По стрелке часовой кружа.
А самых первых, как обычно,
Ведут детишек в детский сад.

Стучат лопатки по перилам,
И равнодушен детский взгляд,
День впереди как вечность длинный,
И нелюбимый детский сад.
Идут послушными шагами,
Поняв действительность едва ли.
Они ещё во сне живут,
Но подчинившись вниз идут.
С постели тёплой только-только,
Соседи нехотя встают.

Вот где-то пахнет, подгорая,
На сковородке колбаса,
А дальше за дверьми ругает
Нещадно баба мужика.
Опять под утро он явился,
Витиевато извинился,
И даже пробовал обнять.
Потом, пытаясь брюки снять,
Махнул на жизнь свою устало,
Пошёл на кухню досыпать.

Сосед направо – А. Шаглинский,

Нарезал дольками бекон:
Овсянку с завтраком английским,
Маце предпочитает он.
За стенкой радио играет,
Пенсионерку пробуждая.
Хоть ей не нужен серый день.
Вставать ей скучно, да и лень,
Она по праву заслужила,
Свой пенсион и бюллетень.

Пускай нагретые квартиры,
Покинуть люди не хотят,
Но долг велит им торопливо,
Оставив байковый халат,
Бежать скорей под эти хляби,
Не забывая зонт и шляпу.
А значит быстро закусив,
Горячий кофе не допив,
Они спешат для дел житейских,
Своим желаньям изменив.

Как мозаичные крупицы,
Зонты ожили в темноте,
в метро народ попасть стремится,
Вращаясь в пёстром фуэте.
Строители, врачи, студенты,
Внештатные корреспонденты,
Здесь утром все. Высокий чин,
Бразильским кофе ободрим,
Мелькнул как призрак на дороге,
Среди назойливых машин.

Шумит, кипит и рвётся швами,
Неугомонная Москва,
Поверит кто – недавно сани
Возили по Тверской дрова.
Ещё москвич иной припомнит,
Как за Плющихой огороды,
Капустой белою цвели,
И как мохнатые шмели
В душистый цвет весною лезли.
Жизнь изменилась. Москвичи,

Теперь в обед вкушают суши,
В спортзалы им ходить не лень,
Без новых гаджетов им душно.
Они готовы ночь и день,
Волчками здесь и там крутиться,
Не покладая рук трудиться,

Чтоб бренды новые купить,
И вас однажды удивить.
А кое-кто не забывает
По филармониям ходить.

Излишне, впрочем, увлекаться,
Сейчас их жизнью ни к чему,
Иначе будем удаляться,
От темы, судя по всему.
А потому, я, неотложно,
Минуя лужи осторожно,
Оставив суши на потом,
Хочу вернуться в старый дом.
(О нравах мы поспорим позже,
В приличном баре за углом).

Я жажду нашего героя,
Представить публике уже,
К нему тихонько дверь откроем,
Где на последнем этаже,
Он нежится в постели сонной.
Прозрачным тюлем приглушённый,
К нему крадётся первый свет.
Здесь посторонних звуков нет,
Но сладкий сон вот-вот прогонит,
Такой настойчивый рассвет.

Но как же оторваться сложно,
От грёз чарующего сна,
Прогнать Морфея невозможно,
Когда видений пелена
Уютно веки оплетает,
И в новый день не отпускает.
Последний сон не дай спугнуть,
Замри же солнце на чуть-чуть!
Но как не тыкайся в подушку,
Уже так сладко не уснуть.

Сопит герой под одеялом,
Пуховым, тёплым и родным,
Подушку обхватив упрямо,
Вопросом мучаясь одним:
«Раз спится утром так приятно,
Создали утро, вероятно,
Чтоб до обеда людям спать.
А значит рано мне вставать!»
Но мама мыслей ход прервала,
Прикрикнув: «Хватит там лежать».

И третьеклассник, покорившись,
Нечеловеческой судьбе,
На маму даже посердившись,
С великой жалостью к себе,
Встаёт и жмурится от света.
В пижаму синюю одетый,
Надвинув тапки как-нибудь,
Он мимо кухни держит путь.
Там кашу бабушка готовит,
Овсянку снова – просто жуть.

Блистают в ванной нестерпимо
Краны, два зеркала и пол,
А тюбик с пастой малинной
Лишь подтверждает мысль о том,
Что жизнь устроена прескверно.
Нет хуже ничего наверно,
Чем эта школьная пора,
Чем эта ранняя заря,
Уроки, геркулес, ноябрь,
И дождик этот навсегда.

В таких раздумьях воду Юра,
Открыл и сделал потеплей,
Взял пасту сладкую угрюмо,
И белых, жирных кренделей,
На щётку и на лоб намазал.
Усердно пальцы перемазав,
Он на стекле большую «Ю»,
И с ней фамилию свою
Оставил росчерком небрежным,
Найдя забавной ту мазню.

Со скуки кран ревуший пальцем,
Он осторожно перекрыл.
Фонтан немедленно страдальца,
До пят конечно окатил.
Но Юра воду жмёт сурово,
И всё случается по новой:
Одной рукой он чистит зуб,
Другую топит всё вокруг.
Так и стоял бы в ванной вечно,
Кабы не в дверь серьёзный стук.

Отец настойчиво под дверью
Неодобрительно кричит:
Умыться просит побыстрее,
Ведь каша может и остыть.
В итоге дверь он открывает,

Наскоро сына умывает,
Хватает на руки и вот,
Как куклу до стола несёт.
Где бабушка хлопочет с кашей,
И мажет маслом бутерброд.

Внучку кладёт тарелку с горкой:
«Не морщся, кушай поскорей»,
– Куда ты наложила столько! —
Но папа: «Будешь здоровей!»
– А ты? – «Поел и убегаю»,
– Когда вернешься? – «И не знаю.
Горит, большой кварталный план.
Работы много, знаешь сам.
Одень на улицу калоши,
И не балуйся в школе там.

А вот и мама. Здравствуй, Лена!
Всех обнимаю, побежал».
– Ты помнишь, Паша, что проведать
Должны Петровых? К ним на чай,
В субботу едем, – «Помню, помню,
Сей долг досадный мы исполним».
Схватив печенье со стола,
Через мгновение спустя,
Он выбегает из подъезда
Под дождик, не раскрыв зонта.

Здесь, разделив поток бурлящий,
Из мрака выхватив лицо,
К нему немедля Форд блестящий,
Спешит с подмогой под крыльцо.
На дом и окна оглянувшись,
Хозяйке Форда улыгнувшись,
Наш Павел брюки приподнял,
Портфель удобней подобрал,
На подогретое сиденье,
С хозяйкой рядышком упал.

Отметим сразу, что признание,
И одобрение у дам,
Любовь, восторг и обожанье,
Он сохранил к своим годам.
И он любил необычайно,
Хотя недолго и случайно.
Он в юности уже считал,
Что век и так обидно мал,
А потому себя союзом,
Тогда упорно не вязал.

Взрослея, вёл себя практично,
И скоро к роскоши привык,
Имел доход весьма приличный,
Не сомневаясь ни на миг,
Что хватка в бизнесе и чувствах
Не всем подвластные искусства.
Но он законы все познал,
И без усилий прерывал
Поползновения любые —
Любовниц загодя менял.

Он никогда не рисовался,
Себе он цену твёрдо знал,
Он от души всегда смеялся,
И плотный ужин уважал.
Спокоен, лёгок и подтянут,
В вельветовый костюм затянут,
Чуть поседевшие вески,
Духи как капельки росы,
Сандалии ему и шорты,
Категорически не шли.

Он представлялся просто – Павел,
Улыбкой образ подкреплял,
То замолчит, то шутку вставит,
Глядишь, и всех очаровал.
Не задурманенные ядом,
На жизнь передовые взгляды
Нам всем понятны и близки,
В душе нам нравятся они.
Нам всем довольно часто снятся
Любви без обязательств сны.

Но только не во сне признание,
Встречал он с детства меж страниц,
Не редко школьницы терзанья
Ему вверял тетрадный лист.
Где юный почерк аккуратно,
Над русской ё всегда опрятно,
Расставив точки, о любви,
Татьяны перепев стихи,
Дарил волнующие строки,
И ветку васильков сухих.

Ему конечно это льстило,
Он стал уверенней в себе,
Мальчишки мысли укрепились,
Держать он крепко стал в уме,

Что женщин милых благосклонность,
Влюблённость, страсти и покорность
Есть наилучшая черта,
И счастьем с ними нет конца.
Но только мучали кошмары
Порою Павла-молодца.

Порою ночью просыпаясь,
Он становился сам не свой,
Подруги плеч едва касаясь,
Он не умел найти покой.
Как будто дьявольским твореньем,
Уже без шансов на спасенье,
Себя он ясно ощущал.
Расплату он за что-то ждал,
И в страхе думая об этом,
Глаз до рассвета не смыкал.

Так жизнь под горку и катилась,
Ноябрь март спешил менять,
И чаще Павел тяготился,
И чаще начал замечать,
Что день сложнее всё наполнить,
Что он не слышит песни новой,
Что лица прежние везде,
Желанья с разумом в борьбе.
Он чуть в запой не пустился,
И чуть не навредил судьбе.

Он в тридцать два о совершенстве,
О смысле жизни, о себе
Подумал, прежнего блаженства
Вокруг не находя уже.
Но повстречав в апреле Лену,
Забыл он тут же о похмелье,
И сердцем крепко заскучал.
Он понял сразу, что не знал
Тоски доселе столь ужасной.
Сражён был, в общем, наповал.

Он бросил в битву всё уменье,
Он щёки аккуратно брил,
А после с неким удивленьем,
Нашёл, что Лену полюбил.
Но только Павла воздыханья,
Чистосердечные признанья
Не импонировали ей,
А бурю дикую страстей
Она, краснея, отвергала,

Хоть становилась всё бледней.

Но что такому селадону
Сомненья девы молодой,
Елену метко купидоны
Конечно ранили стрелой.
И гости в тот же год хмельные,
Несли приборы бытовые
На свадьбу молодой семье.
Потом плясали в забытье,
Любви и верности желали,
Салаты ели оливье.

Они неделю пировали,
Причину шума позабыв,
Когда же снова вспоминали,
То вновь бокалы осушив,
Невесты выбор одобряли,
Шептались, головой кивали,
И первенца желали ей.
В витиеватости речей
Была и зависть, и сердечность,
И глупость выпивших людей.

Влюблённый муж свою царицу,
Носил полгода на руках,
Друзьям кивая мол – женился,
Преображался на глазах.
Заботой Лену окружая,
Каприз любой предупреждая,
Он шубы новые дарил,
Структуру жизни изменил,
Стал верным и надёжным другом,
И роль такую полюбил.

Елена, кто она? Позволим,
Теперь отвлечься на неё,
(Поэты любят поневоле,
Всегда творение своё).
Она была тогда быть может,
Меня немногим помоложе.
Она красоткой не слыла,
Но преподать себя могла,
Была в компании заметна,
И скромно с мамою жила.

Что в ней, тоски моей помимо,
Что в милом образе ищу,
Она всегда непостижима,

Вернуться снова к ней хочу.
К открытым чувствам благосклонна,
Горда, хрупка и непокорна,
Осталась тайной навсегда,
И остроумна, и строга.
Мне вам не объяснить, пожалуй,
Кем Лена всё-таки была.

Она в студенческие годы,
В бассейн брала абонемент,
По случаю плохой погоды
Любила сесть за инструмент.
Но Баха с Гайдном не играла,
А клавиш счёт перебирая,
Искала «Джой Дивизион».
Загадочный «Аукцион»,
Вплетала кое-где аккордом,
И в десять приходил к ней сон.

С друзьями запросто держалась,
Образовав студентов круг,
На зорьке йогой занималась,
И Блок ей был хороший друг.
Мужчин в мгновение пленяла,
И уж конечно это знала.
Но чем, постигнуть не берусь,
Хотя ничуть не ошибусь,
Предположив – Елену встретив
Опять немедленно влюблюсь.

Ни отрешённое унынье,
Ни целомудренную грусть,
(Чем увлекаются иные,
Приём сей зная наизусть),
В ней никогда не замечали.
Зато все сразу отмечали:
Она смеётся где смешно,
Не ведает, что суждено,
Вслух о политике не судит,
И любит белое вино.

Так юность Лены без надсады,
Новелл трагических прошла,
Друзей назойливых осада
Отбита с ловкостью была.
Любовью жизнь не отягчая,
Надежды многих развенчала,
Но не обидно, а легко:
Так, что отвергнутый пальто

Накинуть счастливым был на плечи,
И проводить хоть до метро.

Зачем так юность скоротечна,
Всё чаще мать твердила ей,
Обняв по-дружески за плечи:
«Опять в отставку всех парней?
Поди, развейся, пообщайся,
По вечерам одна не майся.
Коль век со мною проведёшь,
То принца точно не найдёшь.
Ещё лет пять таких раздумий,
И в девах старых пропадёшь».

С улыбкой матери внимая,
Не соглашаться не могла,
Но всё же смутно тосковала,
Но всё равно опять одна,
Шла по бульвару грациозно,
В осенний вечер, но не поздно.
Играя газовым платком,
Как будто ярким маяком,
К себе вниманье привлекая,
Она не сомневалась в том,

Что эту лёгкую походку,
Коварный взгляд и тонкий стан,
Оценят зрители охотно,
Попавшись в брошенный аркан.
Всё остальное и не важно,
А важно чтобы плащ винтажный
Вниманьем был не обделён,
Чтоб подходил к сапожкам он.
Мужчина каждый непременно
Обязан быть в неё влюблён.

Высокий дом «Иллюзиона»,
Приют любимого кино,
Елену приглашает снова,
А что смотреть не всё ль равно.
Здесь всё как раньше, всё привычно,
Покажут фильм такой обычный,
С Габеном, Каро или Розы,
Мазиной, Мути или Сорди.
Увы, теперь героев этих
На киноплёнках не найти.

В прохладном зале пред экраном,
Билет скомкав в живой руке,

Она опять с героем старым,
И то, что ждёт его в конце
Она конечно знает, только,
Досмотрит этот фильм, поскольку,
В нём чудный мир и красота,
А не печаль и пустота,
В нём чёрно-белое Феррари
И снежно-белая фата.

Без сожаленья невозможно
Из кинозала выходить,
Заплакать от досады можно,
И безусловно захандрить.
Пусть всё обычно, всё на месте,
Вот Яуза чрез метров двести,
И зелень летняя кругом.
Но почему она бегом,
Спешит домой и отвернулась,
Минуя надпись «Гастроном».

Потом она в метро качаясь,
Среди скучающих людей,
От них подальше быть старалась,
Они чужды казались ей.
Быть рядом с ними не желая,
Она ресницы прикрывает,
И хочет, чтобы вновь возник,
Шум моря, серых чаек крик,
Аккордеон чтоб пел негромко,
Не прерываясь ни на миг.

Она скучала и вздыхала,
Держалась твёрдо на своём,
Подложных чувств она бежала,
Грустила с мамою вдвоём.
Она вдруг стала нелюдимою,
Необъяснимой и пугливой,
Обиды прятала слезу,
Скабрёзность была на лету.
Никто сломать уж не старался
Такую гибкую лозу.

Но кто припомнит эти грёзы,
Гаданья с мамой у свечей,
Блестели ль точно чьи-то слёзы
Когда-то в утреннем луче?
На счёт сей можно сомневаться.
Хотя не стоит удивляться,
Что к двадцати пяти годам,

(Не возраст в общем-то для дам),
Она за Павла вышла замуж,
Расставив точки по местам.

Они полгода повстречались,
По вечерам, но чаще днём,
И хмурым утром обвенчались,
С приметой доброй – под дождём.
А муж её – он был красавец:
Высокий рост, живой румянец.
Он был хороший и простой,
С ним обрела она покой,
Хоть пиво пил он из бутылки,
И нож брал левою рукой.

Он не читал Дидро и Кюона,
Пикока даже не листал,
Но отпуск часто брал в июле,
И на Канарах отдыхал.
Он балагур был с шуткой острой
Среди компании их пёстрой,
И знал последний анекдот.
Ей показалось – это тот
Кого она в кино узнала.
В любви они прожили год.

В тот год она самозабвенно,
До края чувствами полна,
Была весёлой неизменно,
И мама счастлива была.
Жизнь превратилась в вечный праздник
Который неотступно дразнит.
Они планируют зимой,
В отеле Ритц (ах, боже мой!)
Открыть сезон с большим размахом,
На склоне Альп, само собой.

То, что казалось раньше глупым,
Что представлялось баловством,
Теперь слюбилось почему-то,
И принималось так легко.
Не редко в модном ресторане
С супругом до курантов ранних
Её вы можете застать.
Друзьям при встрече не узнать
Свою холодную подругу,
Что так любила помечтать.

Она забросила романы,

Ей скучно Малларме читать,
Витиеватый и туманный,
Он не способен увлекать.
К невзгодам прошлым относилась
Теперь иначе. Согласилась,
Что слишком правильной была.
Хотя, исправившись, она,
Индифферентность к Мураками,
Простить супругу не могла.

Судьба Елену наградила,
И прежней жизни строгий пост,
Она порядком искупила,
Когда нежданно встал вопрос:
Об этом ли она мечтала,
О том ли с мамой тосковала?
Ответом был глубокий вздох.
Она припомнила – не плох,
В кино был вечер одинокий.
Неужто брак её – подлог?

И вот стал скучен блеск нарядов,
И горьким стал Бийо-Симон,
Теперь казался заурядным
Любимый некогда салон.
Она всё чаще вспоминала
Места где счастлива бывала,
Где наслаждалась тишиной,
Где город только ей одной
Принадлежал и улыбался,
Где он наполнен был весной.

Она побыть решает дома,
Не весел вечер для неё,
Она желает томик скромный
Прочсть Гильома де Машо.
Каприз дурной Елену гложет,
Она смирить его не может,
И чувствует, что не права.
Ей ссора с мужем не мила,
Но говорит: «Останусь дома,
Машо отставлю чёрта с два».

Муж возразил, – Нас ждут, и глупо,
Экстравагантно и смешно, —
Елена соглашалась скупой,
И повторяла: «Всё равно».
Он подшутил над ней несмело,
Она в отместку: «Надоело».

Бросая книгу на софу,
Такой ответ даёт ему,
Что Павел понял с изумленьем,
Как плохо знал свою жену.

Размолвки вовсе не желая,
Он целый вечер рядом был,
Её капризу потакая,
Обиду молча он сокрыл.
Но вдруг почувствовал – далёкий
Он стал для Лены одинокой,
И как вести себя не знал.
Сев рядом с нею на диван,
Он две главы из книги скучной
Ей в этот вечер прочитал.

Их дальше ждали треволенья,
Снедая душу изнутри,
Копились злость и возмущенье,
Что очень вредно для семьи.
Он умолял: «Чего нам мало?»
Она в ответ ему молчала.
Он дверью хлопал и один,
Своим желаньям господин,
Бежал «...побыть среди пошлых женщин,
И среди порядочных мужчин».

Прозвавши мужа фарисеем,
Она подчёркнуто скромна,
Недели шли, она грустнее
И молчаливее была.
Она его не избегала,
Но раздражаясь замечала,
Что неизменно тяготит
Его всегда цветущий вид.
Всегда он счастлив и доволен,
Румянец на щеках горит.

Жизнь в мелких ссорах до разрыва
У них почти уже дошла,
Но Лена с трепетом открыла,
Что стала первенцем больна.
Воскресла нежная психея,
Елена с каждым днем бледнеет,
И чувствует, что ожила.
Гуляя по Москве одна,
Она то плачет без причины,
То вдруг без дела весела.

Пришло к Елене осознание,
Стал очевиден вечный ход,
Всей нашей жизни увенчанье
Пред ней открыл с любовью Бог.
Разбилось зеркало кривое,
Прошёл каприз и напускное,
Сомненья растворились вмиг,
Когда ребёнка первый крик
Души коснулся материнской,
И в сердце навсегда проник.

Опять в семье любовь и счастье,
Всем злопыхателем назло,
Забыты грусть и разногласья,
И гости снова пьют вино.
Теперь супругам развлечение
Имён красивых обсужденье,
Что Павел в святцах отыскал.
Ах, как же редко Павел спал,
Боясь над люлькой шевельнуться,
Как тихо через раз дышал.

Елена с нежностью отдалась,
Науке новой, не простой,
Как будто только в ней нуждалась,
И не ждала судьбы иной.
Теперь другие с ней волненья,
Нет ни суббот, ни воскресенья —
Заботы всё смогли занять.
Обиды к Павлу вспоминать
Нет ни желанья, ни минутки.
Найти бы время постирать.

Младенец силы отнимает —
В изнеможенье волком вой,
Испить спокойно чашку чая
Нет перспективы никакой.
Подозреваю, что наверно,
Девицы те, кто вдохновенно
Избранника и мужа ждут,
О том не знают. Ведь плетут,
Они венки чтоб в реку бросить,
И песню старую поют:

В тёплый летний вечерочек,
Встали девушки в кружочек,
По веночку заплели,
И гуляют вдоль реки,

Бросит милая веночек,
Мак, ромашку, василёчек,
И попросит – Ты плыви,
Мужа к дому позови.

Я как-то слышал поговорку,
Что сном младенца можно спать.
Но вывод этот смехотворен,
Не обоснован, так сказать.
Младенца сон – всё это липа:
Упавшей ложки, двери скрипа
Теперь вам стоит избегать.
На веру можете принять:
Младенца сон – он самый чуткий,
А вот чего уж не отнять

Так это разных выкрутасов,
Ночных концертов до утра,
От витамина D отказов,
И несогласия до сна.
Младенец маму не жалеет,
А бог не дай он заболит!
Но Павел с Леною дитя,
Прощают, чуточку жура.
– Какой, однако, беспокойный, —
Устало вымолвят, любя.

Проходит бурно первый месяц:
Кормление каждых два часа,
Разогреваемые смеси,
Мгновенья редкие для сна.
Но вверх стремится диаграмма,
А с ней привеса килограммы.
Однажды как-то поутру,
Как раз к восьмому четвергу,
Всплеснула бабушка руками,
Услышав тихое «агу».

Нет чувства на земле сильнее
Чем материнская любовь,
Сию нехитрую идею
Елена подтверждает вновь.
Она качает сына нежно,
Оберегая сон мятежный,
Следит за тем, чтобы недуг
Его не потревожил вдруг.
Ночник плотнее накрывает,
И стережёт случайный звук.

Иной отца закон извечный:
В ребёнке лишь себя любить,
Искать в нём профиль безупречный,
И неизменно находить.
Себя мальчишкой припомнив,
Он просит сына то исполнить,
Что сам когда-то не успел:
Лезть в драку там, где сам робел,
Или в науке неподъёмной
Заполнить собственный пробел.

У матери ж свои напасти:
«Кто будет первый твой кумир,
Любовь или дурные страсти
Заполнят твой прекрасный мир?
Об этом я теперь гадаю,
Когда с любовью пеленаю
И на руках тебя ношу,
На крик когда к тебе спешу,
И к ангелу когда взываю,
Защиты для тебя прошу».

Елена ласково шептала,
Поправив угол простыни:
«Спи, милый мальчик, воспитаем,
На манной каше и любви.
Спи хулиган и симпатяга,
Я тоже на часок прилягу,
А то нет сил как в сон клонит».
Глубокий вздох – она уж спит,
Кроватку в забытьи качает,
И в детской лампочку гасит.

Сын рос, семью объединяя,
Не разрешая отдохнуть,
К себе всё чаще призывая:
Ни отвернуться, ни зевнуть.
Отец сперва самолюбиво
Младенца изучил пылливо,
И схожесть сразу уловил.
На том решил, что он взрастил
Себе достойную замену,
Достаточно затратив сил.

Елена ж вся была в хлопотах,
Ведя домашние дела,
Лишь только бабушке в субботу,
Оставив Юру иногда,
Она на часик выбиралась,

Отвлечься средь людей стараясь.
Она любила сесть в кафе,
От шума, правда, в стороне.
Журнал листая там неспешно,
Смотрела новость с дефиле.

Прочтёт, и даже увлечётся,
Хотя всё это далеко,
Она не та, но признаётся,
Читать забавно всё равно.
Пускай и не следит за модой,
Но только получив свободу,
Фланель присмотрит и текстиль.
Ведь не теряла Лена стиль:
Костюм по-прежнему опрятно
Её достоинства чертил.

А в то ноябрьское утро,
Все разбежались кто куда,
Всё было сделано как будто:
Свекровь по дому помогла.
Сын у порога облачённый,
До верха в куртку зачехлённый,
За ляжки пухлый ранец взял,
Прощаясь бабушку обнял,
Проверил ключик на булавке,
И наконец-то убежал.

За ним покинуть дом Елена
Спешит, на зеркало взглянув.
Украдкой макинтош надела,
Свекрови мимо проскользнув.
Нарядной быть ей вновь приятно,
Она по Бронной, вероятно,
Пройдёт до центра не спеша,
Осенним воздухом дыша.
Там выйдет на бульвар знакомый,
Туда зовёт её душа.

Гуляет Лена, как и прежде,
(Как хороша – не передать),
Не ставя целей, лишь с надеждой
Себя средь улиц потерять.
Часов она не замечает,
Она сегодня отдыхает:
К Шанель зайдет, не без того,
Кашне примерит, ну и что.
Здесь шляпку смотрит с интересом,
Там брошку ищет на пальто.

В витрине дальней тренч приметив,
Туда с надеждою идёт,
У входа яркий Форд отметив,
Легко толкает дверь вперёд.
И всё пред ней открылось ясно,
Дражайший муж тогда напрасно
Её в обратном убеждал,
Неубедительно играл,
На голубом глазу улики
Недостоверно отвергал.

Елена чести не теряя,
Конец признаниям ждала,
Одежду будто отбирая,
В ответ и бровью не вела.
Ни сожалений, ни обиды
В глазах её он не увидел.
Ни обречённости в себе,
Или покорности судьбе
Он не прочёл за то мгновенье,
На белом как луна лице.

Она сказала: «Ты, не майся,
Себя не надо утруждать.
Молчи пожалуйста, останься,
Меня не надо провожать».
Сквозь слёзы Лена улыбнулась,
Его красивых губ коснулась
Дрожащей, нежною рукой.
Он потянулся к ней с мольбой,
Но лишь сказал, – Прощай Елена, —
И зашатался как больной.

С прошедшим навсегда прощаясь,
Она рванулась что есть сил,
Теперь дождю лишь доверяясь.
А он её наотмашь бил.
На сердце камень раскалённый,
Душа от гнева воспалёна,
И несмываем грязный след.
Теперь сомнений больше нет:
Бежать, бежать, она решает,
Забыв навеки десять лет.

Смогу ль найти у вас согласие,
Но так и быть – спрошу у вас:
Вы замечали, что несчастье
Интуитивно ждём в тот час,

Когда казалось б всё в порядке:
Хороший урожай на грядке
И жизнь по правилам идёт.
И вот тогда покой нейдёт,
Всё ждём мы от судьбы подвоха:
Кирпич иль рубль упадёт.

Не получается поверить,
В любовь Создателя совсем,
Мы чувствуем беду за дверью,
И не прогнать её ничем.
На свете счастья не бывает,
Из века в век народ страдает.
А значит с фабулой живёшь —
Ты счастлив, но несчастья ждёшь,
И нервных клеток пресловутых
Уже совсем не бережёшь.

Не лучше ль знать, что безгранична
И неизменна благодать,
И кажется весьма логичным
От мыслей лишних не страдать?
Зри в корень, брат, а остальное —
Малосущественно, пустое.
Жизнь наша впутана в игру,
А в чью, и думать ни к чему.
Оставлю лучше рассужденья,
Закончу первую главу.

Глава 2

Вторую тут же начинаю,
Её предоставляя вам,
В Сапсане булки уминая,
Спешу к балтийским берегам.
Когда-то здесь веленьем строгим,
С Адмиралтейского порога
Лучи в три стороны легли,
И лучезарную зажгли
Звезду под небом непокорным,
И град Петровым нарекли.

Здесь Чижик-Пыжик на приступке,
Козне своей монетки ждёт,
Здесь рой туристов целы сутки,
До блеска чью-то пятку трёт.
Над суеверием лукаво
Смеюсь, но этою забавой
Увлечься я и сам готов.
Я сосчитаю семь мостов,
В надежде слабой на удачу,
Ведь до неё лишь сто шагов.

Мне нравятся дома и замки,
Небес свинцовых близкий свод,
Чугунный мост, витые арки,
Схожу коль будет время в «Грот».
Но снова непогода, слякоть,
Скорей бы нос от ветра спрятать.
Опять всё в каше и в воде.
Холодный дождик по Неве,
Сгоняет в кабаки туристов,
Что взяли отпуск в ноябре.

Всё неизменны впечатленья
От Петербурга у меня:
Погода здесь одно мученье
От ноября до февраля.
Я помню, осенью однажды,
В девятом классе, Эрмитажем
Нас любоваться привезли.
Вели сначала вдоль Невы,
Потом к шедеврам затолкали,
Из непроглядной темноты.

Но, впрочем, мало что на свете

Нарушить праздник мне могло,
Любил тогда я дождь и ветер,
И древних греков божество.
Ходил в дворце заворожённо
Я потому, что был влюблённый
В прекрасных школьниц. Лишь на них
Косился я. О них одних
Всё думал я, и потихоньку,
Глядел из-под скульптур нагих.

Тот год последний вспоминая,
Смотрю на Царское-Село:
Альбом неспешно я листаю,
Глотая кислое вино.
Мне грустно от улыбок ваших:
Андрей, Серёжа, Света, Маша.
Для снимка подготовлен в ряд,
Так неумело наш отряд.
Все постарели уж наверно,
И тоже за вином грустят.

Я вижу девочек на снимке,
Властительниц минувших грёз,
Они со мной стоят в обнимку
У обнажившихся берёз.
Я вас почти уже не помню,
Но безусловно в непокое
Прожить был юность обречён.
Я счастлив был и был смущён.
Теперь остались лишь на снимке,
Кто похищал покой и сон.

Святые чувства, но я каюсь,
Что за собою вас увлёл,
С минуты этой зарекаюсь
Себя не ставить поперёк.
Я это делаю всечасно,
Хоть понимаю, что напрасно
Вас отвлекаю без конца.
Простите всё же наглеца,
За то, что он рассказ свой долгий,
Ведёт от первого лица.

Побряцав лирою довольно,
Скорбеть мне больше ни к чему,
Давно пора искать проворно,
Того, кто новую главу,
Украсит сильным, бодрым взглядом.
Секрет открою: он уж рядом.

Лишь по Дворцовому мосту,
Осталось пересечь Неву.
Где защищу себя от ветра,
Доверюсь хлипкому зонту.

Я в доме икс на А. Попова,
Что в Петроградской стороне,
Нашёл для вас героев новых,
Они спасеньем станут мне.
Профессор Карев и студенты,
Мотая провод изолянткой,
Науку сложную грызут,
И скромно славят институт.
Часы советские над ними,
На сорок лет уж отстают.

Когда они здесь прописались,
Чего-то там изобретать,
Коллеги тут же взволновались,
И стали рьяно обсуждать,
Куда клонит профессор новый.
А кто-то намекнул сурово:
«Не из амбиций ль он соткан,
И где его учебный план?»,
Но познакомившись поближе,
Отдали дизель и чулан.

Энтузиасты записные,
С наукой смелой в голове,
Их руки цепкие, молодые,
Колдуют что-то на столе.
Свиты цветными проводами,
С давно затёртыми годами,
Аккумулятор и стартёр.
Весь в масле дизельный мотор,
Студент-очкарик близорукий,
Ворсистой тряпочкой протёр.

Тут всюду обвалилась краска,
Дощатый пол давно не мыт,
И только старая замазка
В морозы позволяет жить.
Но не бывает здесь унынья,
Здесь выживают лишь святые.
Их альтруизм понять нельзя,
(У чудаков своя стезя),
Они нелёгкий путь избрали,
Неблагодарный груз неся.

Они всегда перечат веку,
Не зная лености ума,
Познавши Альфу и Омегу,
Они с наукой навсегда.
Дай бог им вечного терпенья,
Дай бог работать без сомненья,
Без мысли – быть или не быть.
Они лишь могут погрузить,
Что их работу не окончить,
Как жизнь саму не завершить.

Хвала уму, хвала нахальству,
Стоят студенты, чуть дыша,
Хвала напору и упрямству —
Студент накинул клемму «Ша».
Тихонько что-то напевая,
Профессор схему проверяет:
Подергал с силой проводки,
Надежно ль спаяны они —
В серьёзный ход эксперимента,
Они вмешаться не должны.

Настал момент, который ждали.
С приборов взгляды не сводя,
Волнуясь тумблеры нажали,
Благоразумно отойдя.
Чуть вздрогнув, ротор провернулся,
Контакт к обмотке прикоснулся,
Мотор напрягся и замолк.
Завился серенький дымок,
Их дизель прыгнул, накренился,
И повалился в левый бок.

К нему студенты устремились —
Пришла пора для срочных мер,
Гирляндой яркой заискрился
Какой-то едкий полимер.
«Друзья, на помощь мне спешите,
Машину тряпками тушите.
Ах, как красиво запылал!
Жаль генератор зря пропал», —
Шутил профессор огорчённо,
И в носовой платок чихал.

Опять немного промахнулись,
Но как такое угадать?
На землю плюсы вдруг замкнулись,
Скорей давайте убирать».
Но скорби всё ж мужи науки

Не придались. Они без звука,
В курилке отдохнув едва,
И закатавши рукава,
Собрали мелкие обломки,
От них испачкавшись слегка.

Кто не рискует, тот известно,
Не осушит Вдовы Клико.
И даже было бы нечестно,
Пить без причины то вино.
Зато какое наслажденье,
Увидеть новое творенье,
И сомневаться, и терять,
Неделями пускай не спать,
Порой завистливые взгляды,
Взамен награды получать.

Когда же наконец печально,
Студенты Карева ушли,
Вполне тогда рационально,
И здраво мысли навели
Профессора на чай с котлетой.
Давно он ждал минутку эту
Чтобы в тиши обед доесть.
Ведь на минуточку присесть,
Ему студенты не давали,
Лета его забыв учесть.

Но только он за стол устало,
Газету расстелив, присел,
Достал из дипломата сало,
Огурчик в баночке поддел,
Посыпал помидорчик солью,
Салат с горошком и фасолью
На блюде плотно разложил,
И чай до краешка налил,
Как кто-то очень беспардонно,
В дверь что есть сил заколотил.

Кто нас от неги отрывает,
Тот вызывает правый гнев,
Но Карев быстро хлеб глотая,
Спешит ничуть не погрузнев.
(Такой профессор был любезный).
Он жил, так скажем, безвозмездно,
И обитал на самом дне.
Сказалось это в худобе,
Сединах, пиджаке потёртом,
В подкладке рваной кое-где.

Он педагогику с наукой,
Один на кафедре делил,
Но жизнь при этом вовсе мукой,
И маемой не находил.
Его несчастная супруга
Пятнадцать лет терпела друга,
Но и она вдруг собралась,
Наевшись альтруизма всласть.
Не видя больше аргументов,
Без объяснений развелась.

Не стал профессор с нею спорить,
За переменчивость судить:
Должна бы, дескать, соизволить,
В беде и радости любить.
Должна жить в доме без комфорта,
Продукты есть второго сорта,
Выгадывать почти на всём,
Обои подбивать гвоздём,
И ждать, когда Perpetuum Mobile,
Мы наконец изобретём.

Ей надоело шить простынки,
Кружком заплатки вырезать,
Всё слушать старую пластинку,
И из долгов не вылезать.
Студентов к дому привечая,
К себе работать приглашая,
Он больше маслица подлил:
Он необдуманно твердил,
Что юной армии учёных,
Всего себя он посвятил.

Так, обратился вдруг в руины,
Терпеньем сложенный очаг,
Опять проблемы бытовые,
Всё разметали в пух и прах.
Забыты клятвы, обещанья,
Младые ласки и лобзанья,
Всё покатилося под откос,
И вместо примиренья роз,
Для них тогда определённо
Разъезда встал больной вопрос.

Упрёки принял он покорно,
Полушутливо и легко,
Не клялся больше он притворно,
Их время видимо ушло.

Он не умел делить работу,
С необходимою заботой,
О доме, дочке и семье.
Всегда в работе и в себе,
Он забывал гулять с собакой,
Писал заметки на стене.

Теперь свободен он, ночуя,
В лаборатории своей,
Из кельи этой не ревнуя
К страстям и радостям людей.
Теперь его одно тревожит —
Кто так к нему стучаться может?
С недоумением в глазах,
С ножом и вилок в руках,
Он поспешил судьбе навстречу,
На стол наткнувшись впопыхах.

«Профессор Карев? Я Елена.
Простите, если в поздний час
Вас беспокою, но наверно
Пора сказать, что снова нас
Без света ваш мотор оставил.
Да что там, просто обезглавил
Полихимический обмен!
А это чередой проблем
Грозит теперь или отменой
Дипломных, перспективных тем.

Как долго с опытом боролись
Я не берусь и передать,
Теперь опять солей гидролиз
Должны мы будем повторять.
Ещё бы час! такая малость»,
— Ах, боже мой, какая жалость, —
«Смеётесь вы?», — Да нет, же нет,
Примите искренний ответ,
Я сам не ждал таких коллизий,
И почию конечно свет. —

Я к вам три лестницы бежала,
Насилу отыскала дверь,
Чуть на ступеньках не упала,
Стул предложите хоть теперь!»
— Ах да, садитесь, умоляю,
Вот бутерброд, а может чаю? —
«Не откажусь. Налейте чай», —
Елена видит невзначай
Поспешность, робость и смущенье,

И чашки грязные, ай-ай.

– У нас вы кажется недавно? —
«Четвертый месяц уж пошёл.
Я из Москвы. У вас тут славно»,
– Пожалуй. Жаль, что вас подвёл, —
«Бывает», – Чашечку держите, —
«А вы тут часом не сгорите?
Не ровен час, эксперимент
Весь институт спалит в момент.
Тогда останется без крова
Наш любознательный студент».

– Сиречь наука знать искусству,
И требует порою жертв, —
Елена подхватила грустно:
«Недоедания и нерв».
Она желает примиренья,
Она не хочет больше трений.
Она вдоль дизеля идёт,
Рукой опасливо ведёт
По стали, холод ощущая
Грузинский чай с печеньем пьёт.

«А что, семья вас отпускает
До поздней ночи здесь сидеть?»
– Семья моя... не возражает, —
«Жена обязана терпеть?»
– Я не женат. Всё это в прошлом. —
«Ах, извините за оплошность»,
– А как же вы? Уж поздний час.
Наверно муж заждался вас? —
«Да уж заждался, не иначе», —
Ответил блеск печальных глаз.

Засим они и распрощались,
Поговорив и чай попив,
В дверях она чуть-чуть замялась,
На ручку пальчик положив.
И вдруг им стало неудобно,
Неловко, глупо, принужденно,
Хоть прежде было так легко:
Друг к другу видимо влекло.
Елене даже стало грустно,
Что их свидание прошло.

Она, с коллегой расставаясь,
Ему дала свою ладонь,
Не очень, впрочем, обольщаясь,

Что задержаться спросит он.
А он молчал, не зная повод,
Крутил в руках какой-то провод,
Смотрел на дверь и прятал взор.
При этом думал, – Что за вздор?
От чая слышу сердце бьётся,
Что с давних полюбил я пор. —

Она домой пошла. Не глядя,
Вахтёру ключик отдала.
Вахтёр кивнул и смерил взглядом.
Она позор пережила.
Он здесь служил по всем каналам
Смотря кино и сериалы.
Чужою жизнью увлечён,
Он был наверно обречён,
Так просидеть ещё лет двести,
Нисколько этим не смущён.

Как тень Елена проскользнула,
Сбежала из подъезда вниз,
Пальто плотнее запахнула.
«Судьба готовит мне сюрприз?»
Глотая воздух отрешенно,
Она не верит совершенно,
Что это происходит с ней.
Но ей вдруг хочется быстрее,
Бежать по льду неосторожно,
Под тусклым светом фонарей.

По Левашовскому проспекту,
Гуляет мартовская ночь,
Елена отдана аспекту,
Что невозможно превозмочь,
Намёк на лёгкое волнение
И непонятное веселье:
Ужели сердце что-то ждёт?
Решила кстати, что идёт
Немного Кареву смущенье.
Немного шарма придаёт.

А снег метёт ещё сильнее,
Горячий остужая лоб,
Она бежит, бежит быстрее,
Скользит и падает в сугроб.
Ребёнок словно непослушный,
Она смеётся простодушно,
Раскинув варежки лежит.
Вокруг неё метель кружит,

Неоновым играет светом,
Переливается, дрожит.

Над ней непрочность небосвода,
Непроницаемость, туман,
Снежинок так на небе много,
Как будто воздух ими ткан.
Её баюкает уныло
Метели вальс и ветер стылый.
Снежинки в воздухе белы,
Кругом они и лишь они.
Решила Лена отчего-то:
«Ещё не скоро до весны.

Как хорошо, легко и славно
Девчонку замечает снег,
Когда-то в детстве так лежала:
Вот я была, а вот уж нет.
Мне эта ночь наверно снится,
Могу ли снова я влюбиться,
В мечтах прекрасных вновь летать,
Из-за кого-то вновь не спать
И ждать с тревогой новой встречи,
Разубеждаться и страдать?

Но буду ли тому я рада,
Иль обожгусь как от огня?
Всё это глупо и неправда,
Ловушка или западня.
Но всё-таки прекрасны руки,
Глаза не знающие скуки,
Азарт его и детский пыл.
Наверно Карев позабыл
Со мною лёгкое знакомство,
Лишь только дверь плотней закрыл.

Правда ли я в своей рацеи,
(Суждение, вывод и т. д.)
Ему работа панацея,
К другим он строг и строг к себе.
Для женщин ум его опасен
И за работой он прекрасен».
С собою диалог ведя,
Чудесным Карева найдя,
Она профессоршей быть хочет,
Порог разумный перейдя.

Пускай сюжет волнует жадно,
Но лишь к подъезду подойдя,

Она решает, что не надо
Вести так ветрено себя:
«Зачем от мужа я взбешённо,
Сюда сбежала отрешённо,
От чувств надеясь отдохнуть?
Зачем опять тревожат грудь
Надежда, радость и желанье!
С ума сойду когда-нибудь».

Пытаясь гнать, как ей казалось,
Подальше смелых мыслей рой,
Она всё больше увлекалась,
Уже не властна над собой.
Была не в силах скрыть волнение,
И признавалась откровенно,
Что к Кареву её звало.
С ним было просто и легко,
А значит сердце молодое
Любить хотело и могло.

«А Карев, так, пожалуй, старше,
На двадцать с хвостиком меня,
И что же с нами будет дальше,
Что скажет Карева родня?
Амбициозен – не иначе,
К науке страстью лишь охвачен.
В науке этой видно след,
Решил успеть на склоне лет
Своим оставить пребываньем,
А до семьи и дела нет.

А вдруг к нему придёт признание,
Венок лавровый и хвала,
И в новостях упоминанье?
Тогда и верная жена
Не лишней будет очевидно.
Но слушать мне себя противно.
Какая ушлая жена —
Лишь убежала со двора,
Забыла тут же все обиды,
И оказалась так шустра».

Ей с этой мыслью ночь не спится,
И нет покоя целый день,
Она и рада, и томится,
От новой прихоти своей.
Теперь, как будто ненароком,
Всё чаще пред его порогом,
Она проходит не дыша,

Случайной встречи лишь ища.
Нигде уж места не находит,
Её смятённая душа.

Он ей повсюду представлялся,
Воображенье занимал:
И ночью к ней во сне являлся,
И на работе отвлекал.
Всё тяжелей она вздыхала,
Себя отчаянно ругала,
И рассуждала – ни к лицу
Дарить внимание ему.
Ей никогда с ним построить
Для сына новую семью.

Известно, правда, что бороться
С недугом сердца своего,
Увы, бывает так не просто,
Нет средств лечения его.
Опять сознание рисует
Прекрасный образ – мы тоскуем,
Себя обманывая им.
Для нас уже неповторим,
И бесподобен этот образ.
Со счастьем он неразделим.

Но, с давних пор уже ведётся,
Что неизменно в божестве
Разубедиться нам придётся,
(Скажу чуть мягче – в большинстве).
И наши прежние мечтанья,
Сомненья, радость ожиданья,
Угаснут просто от того,
Что наш избранник есть всего
Обычный человек. Нормальный!
Каких по счастью большинство.

Но зная сей итог печальный,
Своих бессонниц наперёд,
Влюбиться мы мечтаем тайно,
Ступив опять на хрупкий лёд.
Забыты прежние ошибки,
Душа желает новой пытки,
И наслажденья, и тревог.
Опять пускаем на порог
Мечты напрасные и слёзы.
Забыт, не выучен урок.

Сносить мученья не желая,

Со здравым смыслом не в ладу,
В подвал Елена вновь слетает,
И как во сне плывёт к нему.
Каприз в душе не одобряя,
Предлог какой-то сочиняя,
Она пред дверью замерла,
Упавший локон убрала,
Перекрестилась потихоньку,
И смело к Кареву вошла.

«Профессор, я прошу прощенья,
Что снова к вам врываюсь, вдруг», —
Она промолвила в смущеньи.
— Без церемоний, милый друг! —
«У вас здесь снова беспорядок,
Не прибрано и куча тряпок».
— А как у химиков дела,
Успехи есть наверняка? —
«Работаем и ожидаем,
Зарплату первого числа».

— Зарплата! Значит деньги дали?
Ведь у меня опять афронт:
На стартер средства не достали,
И дизелю пора в ремонт.
Я со студентами всё маюсь,
На план учебный отвлекаюсь —
Просил проректор поднажать.
Но, я не буду докучать,
А то рискую нашу дружбу,
Своим занудством развенчать.

Вы вновь сегодня задержались,
И похудели я гляжу.
Опять за кафедрой сражались,
Грызя незнания целину?
Я от студентов, если честно,
Спасаюсь только в этом месте,
Где трудно отыскать меня.
Боюсь студентов как огня:
От их нытья и их зачёток,
Порою волком вою я.

Хотя, бывает, компетентность
И здесь проскочит: три из ста.
Такая вот амбивалентность,
Насчёт студентов у меня:
К одним симпатию питаю,
Других совсем не примечаю.

С одними молод я и свеж,
И преисполнен для надежд,
Категорически не сдержан
Я для лентяев и невежд.

Когда они вас одолеют,
Притихшей окружив толпой,
Бегите в угол мой скорее,
Побудьте здесь чуть-чуть со мной.
Чужих сюда я не пускаю,
И шум сюда не долетает.
Здесь мы откроем свой блокпост.
Я предлагаю к чаю тост:
Пусть ценится, живёт наука,
И стоит как чугунный мост.

А вы уж слишком вдохновенны,
Всё расточаете себя,
Не хватит вам на всё терпенья,
Вы, Лена, словно не своя.
Не надо вам за всё хвататься,
И белкой в колесе вращаться,
Бежать то вниз, а то наверх.
Я слышал в среду и четверг
Факультатив ведёте даже,
По курсу Дэви нормы сверх?

Мы с вами, впрочем, где-то схожи,
Я с вами тайной поделюсь:
Когда я был слегка моложе,
Бывало тоже засижусь,
Рабочий день отодвигая.
Зачем? Да мыслью утешаюсь,
Что через много-много лет,
В моих трудах найдёт ответ,
Какой-нибудь студент однажды.
И узнаваемый портрет,

Увидит в первом развороте.
Я под углом трёх четвертей,
Заснял даже на работе,
На старой кафедре своей.
Я вас с претензией на шутку,
Пожалуй, раздражаю жутко.
Но если честно, одному,
В моём монашеском миру,
И пошутить бывает не с кем,
Так что прощения прошу.

Предвижу – утомил вас вволю
Неугомонный мой язык,
За это я прошу позволить
Доставить вас до дома вмиг.
Давно окончен день рабочий,
И вас в холодный сумрак ночи
Одну я вряд ли отпущу.
В мороз и жуткую пургу,
Здоровье друга и коллеги,
Я непременно сберегу.

Коль вы согласны, обязуюсь,
В одно мгновение, стрелой,
С весёлым ветром соревнуйся,
Домчать вас в целости домой.
Пусть не новы, признаюсь, сани,
Давно течёт в коробке сальник,
Но нет ведь правды и в ногах.
Зато уверен в тормозах,
Без них на скользких поворотах
Моей копеечке никак. —

«Коль сальник нам пообещает
Не вытечь на дорогу весь,
То я конечно же считаю,
Что согласиться смысл есть.
– И добавляет Лена робко, —
Домой тяжёлую коробку,
Сегодня отнести должна.
Давно уж собрана она,
А здесь такой удобный случай.
Она нам с сыном так нужна.

Хоть мне, простите, и неловко,
Что вас о помощи прошу».
– Ах, перестаньте! на парковке,
Вас у машины подожду, —
«Я мигом Карев, и до встречи,
Накину лишь пальто на плечи.
А вы налипший снег пока,
С машины скиньте хоть слегка,
К ней с ноября подозреваю,
Скребок дотронулся едва».

Оставив Карева за дверью,
Она наверх почти летит,
Ей небольшое приключение,
Намёк на лёгкий флирт грозит.
Она по комнате порхает,

Наскоро вещи собирая:
Он повезёт её домой!
Она готова стать собой:
Увлечь, увлечься, быть красивой,
Отдаться чувствам с головой.

Кто упрекнуть её посмеет,
Кто камень кинет ей вослед,
Сказав, что девушка умеет
Любить лишь в восемнадцать лет,
Тот наперёд пускай узнает —
Теперь врагом моим он станет.
Я дальше Лену поведу,
От злых нападков охраню,
Что бы не случилось с Леной,
Я всё равно её люблю.

Она к нему сошла спокойно,
Чтоб трепет свой не выдавать,
Старалась выглядеть достойно,
Авторитет не подрывать.
Улыбку только подавила,
Потешившись машины видом,
Когда поближе подошла.
Её с опаской обошла,
Но, то, что руку ей подали,
Приятной мелочью нашла.

И вот летит, слегка качаясь,
Несовременный аппарат,
Из сил последних выбиваясь,
Рыща по снегу наугад.
Елена: «Вы меня простите,
Но к вам с вопросом обратиться
Хочу с недавней я поры.
Трудиться вам за четверых
Не надоело ль в институте,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.